

«КАКАЯ ВЕРА, ТАКАЯ И ЖИЗНЬ»

Духовенство вместе с психологами несколько лет участвуют в доабортном консультировании женщин. Наша беседа об этой работе с иереем Максимом Стыровым

■ Владимир ГРИГОРЯН

С чего всё началось?

– Отец Максим, существует убеждение, что главная причина низкой рождаемости, детоубийств – это материальное положение женщины.

– Ничего подобного! Постоянно приходится сталкиваться с ситуацией, что женщина замужем, есть квартира, определённый достаток, но она говорит: «Я устала, я пока не готова». У неё уже есть ребёнок, и она объясняет, что пока больше не планирует: у них ипотека, нужно выходить на работу и так далее. Потом выясняется, что есть родители, братья, сёстры, готовые помочь. То есть имеются все условия. Но нет, не хочет.

Вторая причина избавления от малыша – неустроенность личной жизни. Девушка беременеет вне брака и боится родителей, боится перемен в своей жизни. Парень никакой твёрдой позиции не имеет, говорит: «Решай сама». Впрочем, нередко бывает наоборот. Парень говорит: «Я беру ответственность на себя, выходи за меня замуж», но слышит в ответ: «А я не хочу!» Удивительная фраза, раньше такое редко можно было услышать. Сейчас многие не хотят замуж, во всяком случае за тех, с кем встречаются.

– С чего всё для вас началось? Вы пришли к гинекологам или они обратились к вам? Как священников подпускают к обычным людям в нашем подчёркнуто светском государстве?

– Есть федеральный закон об охране здоровья граждан, который позволяет священнослужителям присутствовать в учреждениях здравоохранения и вести беседы с пациентами с их согласия. И лет восемь назад в нашем городе

дружески говорим на обычных для всех людей темы.

Когда же приходит женщина на приём, психолог по-своему говорит с ней, специалист по социальной работе рассказывает о пособиях и льготах, а потом мы вступаем, если человек не отказывается.

– Большинство отказывается от консультаций?

– Нет, большинство соглашается.

– Зачем, если человек всё для себя решил? Чтобы сказать вам «нет»? Не понимаю.

– Мне думается, что, когда женщина идёт на аборт, она чувствует неправомерность этого, подсознательно ищет то, что её остановит. Может быть, поэтому. Человек противоречив, он сердцем хочет поступить по правде, рожать, а потом обращается к разуму, который говорит: «Нет, ты не справишься. Тебе нужно закончить учёбу, тебе нельзя оставлять работу». И так далее. Быть может, она соглашается в надежде на чудо, быть может, чтобы услышать мужское слово, если не слышит его от мужа или «партнёра». Может, просто потому, что согласиться легче, чем отказаться. Мы не знаем до конца, чужая душа – потёмки.

– Насколько тяжело вы переживаете, когда всё впустую?

– Мы не знаем по окончании беседы, что будет дальше, не требуем решительного ответа, не допрашиваем. Иногда пять-семь минут говоришь, а девушка молчит, и ты даже не представляешь, что творится в её душе, что будет дальше. «Я уже всё решила,

Иерей Максим Стыров

Сорок третий год настал. Курская дуга. Полный грузовик солдат, едем в самое пекло, пушечка-сорокопятка к грузовику привязана, тащится сзади. А впереди бой страшный идёт. Смотрю в небо – «Юнкерс» пикирует на нас. И яичко прямо на наши солдатские головы снёс! Очнулся опять в госпитале: контузия, ранение. Не сразу и вспомнил, что произошло. А мешочек на груди цел. Радостно мне – живой остался!

Так вот и воевал всю войну артиллеристом. Всякое бывало, всего не перескажешь, но мешочек не терял. Пришёл домой в сорок пятый. Мать с отцом плачут от радости. Сидим за столом, а мать и спрашивает меня: «Мешочек-то, Миша, не потерял?» «Нет, – говорю, – мам, не потерял, спасла меня родная земля!» Мать рассмеялась и говорит: «Снимика мешочек и подай мне». Снял, подаю. А она ножом подпоролла шов у мешочка – и на шнурочке крест повис! Маленький, серебряный. «Вот, Мишенька, Кто тебя спас, а не земля. Я крепко за тебя молилась Спасителю нашему, чтоб ты живой пришёл».

– Так вот, Сергей, и остался я живой на той страшной войне – благодаря Богу и молитвам матери, закончил Михаил своей рассказ.

Крепко врезалась мне в память эта история. И с тех пор, если я встречал фронтовиков Великой Отечественной, непременно спрашивал, что спасло их на войне, – и порой слышал такое... Но об этом расскажу в другой раз. А Михаил Садырин воспитал дочь и четверых сыновей и мирно почил в две тысячи втором году, похоронен на кладбище села Молотниково Котельничского района Кировской области. Царство ему Небесное и вечная память в сердцах наших, пока мы живы. ■

спасибо, до свидания», – слышишь иной раз, но не унываешь, потому что за самым твёрдым «я решила» стоит лишь попытка защититься от самой себя – решение вплоть до самого момента принятия смертоносной пилочки или хирургического вмешательства может перемениться на противоположное.

И есть ещё один важный момент нашей работы: даже когда она не даёт видимых результатов, люди узнают, что аборт – это зло. В советское время никто этой теме не обсуждал. Имелся стандарт – двое детей. Всё, что больше, воспринималось как отклонение от нормы. Помните фильм «Однажды двадцать лет спустя»? Никто не говорил, что аборт – это убийство, грех, что это повлечёт проблемы со здоровьем, что душа будет разрушаться. Некоторые вспоминают, что чуть ли не мода была бегать на «чистку». Сейчас, когда мы начали об этом говорить, наши слова витают в душах, доходят до многих. Как-то мы проводили небольшой опрос на улице, спрашивали: «Вы знаете, что жизнь человека начинается с момента зачатия?», «Вы согласны с мнением, что аборт – это грех и зло?» Как правило, отвечали: «Да». То есть понимание есть, хотя, как известно, можно знать правду, но всё равно идти против неё. «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю», – описывает апостол Павел эту человеческую разорванность.

В период эпидемии коронавируса число абортотворцев резко увеличилось, а женщины стали непробиваемы. Стеклообразные глаза, страх перед будущим – вот их состояние в условиях нагнетания страха. Число обращающихся в кабинет психологической поддержки увеличилось, а результативность упала. К тому же нас, священнослужителей, из-за карантина перестали пускать в поликлиники – это тоже сказало.

Говорить кратко

– **Что больше всего в вашем послушании выслушивать от женщин?**

– Особенно скорбит душа, когда на аборт приходят верующие женщины. «Я верую, – говорят они, – молюсь, закон Божий знаю, на исповеди была». Когда человек не знает, не верит в загробную жизнь и воздаяние, далёк от Бога – это одно. А когда сознательно идёт против воли Божией, против своей веры, тут только руками разводишь. Понимают: придётся держать ответ, но «сейчас никак».

– **Некоторые делают аборт по медицинским показаниям.**

– Это понятный страх. Скажем, если будет больной ребёнок, придётся много тратить на лечение, можно оказаться в социальной изоляции. Не будет «всё хорошо», как у нас сейчас говорят, рухнет прежняя жизнь. Вот желание «чтобы всё было хорошо» – едва ли не главная причина этих загубленных в утробе душ. А у верующего человека формула другая: «У нас всё слава Богу!» Это значит, что есть трудности, но есть и утешения, идём через то и другое к Царству Небесному!

Без живой веры ценность человеческой жизни остаётся за скобками, как и понимание, что всё очень и очень относительно. Господь всё устраивает, если Ему не препятствовать, – это главное. У меня есть два друга – я о них рассказываю женщинам с такими «медицинскими страхами». Один служил в погранвойсках, защитил кандидатскую диссертацию, у него семья, своими руками сделал квартиру, машину водит. Но пьёт. На неделю уходит в запой и ничего не может с собой поделать. Другой друг никогда в жизни не стоял на ногах – родился инвалидом. Но у него семья, дома живёт любовь, там можно говорить о вере, о музыке, о жизни, о душе. Какая жизнь настоящая, та или эта?

Когда человек надеется, не говорит, что всё рухнуло, – он победит. Настоящему хорошие мечты нередко сбываются. «По вере вашей да будет вам», – говорит Господь.

Вспоминается общение с молодой женщиной, которая меня поразила своей надеждой и верой. Они с мужем не имели детей, но не прибегали даже к допустимым методам лечения от бесплодия. Решили, что как Богу угодно, так и будет. Господь долго испытывал их, но всё же дал малыша. Если не даётся сразу, надо потерпеть и поработать над собой, а не бегать по неодобряемым Церковью технологиям: донорское оплодотворение, суррогатное материнство. Не нужно пытаться быть умнее Бога.

– **О чём ещё вы им говорите, какие аргументы приводите?**

– С некоторых пор я стал говорить кратко и, насколько это возможно, просто. Самое главное – сказать: этот ребёнок, от которого вы намерены избавиться, уже человек, это несомненный факт с точки зрения и веры, и науки. И что он должен прийти в этот мир, чтобы состояться, получить имя, научиться любить, выбрать свою профессию, создать свою семью, родить своих детей, молиться, найти свою дорогу к Небесам. Как-то раз шёл на встречу и думал: какое же сегодня сказать правильное слово, чтобы быть услышанным? И пришла ясная мысль: «Он нам нужен». На этом и построил весь разговор в тот день. Ребёнок нужен нам всем. Он нужен вам, чтобы сохранить душу, здоровье. Нужен отцу, чтобы растить его, воспитывать, самому учиться жизни вместе с ним. Нужен бабушкам, дедушкам, тётям-дядям. Нужен вашим детям, чтобы у них были брат или сестра, чтобы они не росли эгоистами. Нужен нам как хороший друг, сосед, гражданин, учитель, священник,

президент. Нужен Богу для вечной жизни, для спасения. Кстати, та девушка сохранила своего малыша.

Иногда говорят, что лучше вырастить одного, максимум двух, чтобы «дать им всё»: «Куда нам третьего? У нас двое, а мы только старшему пока купили квартиру...» Мысль, что нужно дать всё: деньги, недвижимость, дорогостоящее образование, – не просто неправильная, она губительная для детей. Такой ребёнок не готовится к тому, что придётся учиться, трудиться. Про молитву тут и говорить нечего!

– **Когда вы чувствуете, что ваши слова женщины слышат?**

– Пожалуй, это слово евангельское. Когда ты говоришь не своё, а Христово слово. Например: «Не бойся, только веруй», или «Всё возможно верующему», или «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас».

Так и говоришь, превозмогая барьер толерантности: «Вот вы всё просчитали, как вам кажется, но есть ещё молитва, по которой происходят чудеса. Знаете, Сам Господь говорит: “Всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите”». И ты чувствуешь, что человек меняется, что он не может просто пройти мимо этого благовестия, он должен или принять его, или отвергнуть, или заинтересоваться и начать спрашивать, или спорить, или делиться какими-то более глубокими проблемами, о которых прежде молчал. Так и происходит: вдруг душа собеседника открывается и он меняется на глазах – из чужого и непонятого становится родным, искренним.

Конечно, говоришь не всем, а когда чувствуешь, что тебя хотят услышать. «А вы были когда-нибудь на исповеди? – спрашиваешь. – Вы знаете, что узлы, которые вы себе навязали, можно

распутать?» И тогда ты чувствуешь, что Господь через тебя с человеком говорит. Особенно вдохновляет то, что за этим стоят конкретные судьбы – люди откликались на слово Божие, шли и побеждали.

– Как часто удаётся убедить?

– Из ста человек примерно пятнадцать-двадцать. Заранее невозможно предсказать, кто услышит, а кто нет. Помните евангельскую притчу о семени? Семени один и те же, но в одном случае оно склёвано птицами, в другом – сорняки заглушили, а какое-то и взошло. Иная говорит: «Нет-нет, даже не о чем разговаривать! Это невозможно! Простите, что отняла ваше время». Проходит несколько лет, она подходит на улице и говорит: «Я давно вас хотела поблагодарить за то, что меня убедили». Чаше откликаются те, кому тяжелее, как ни странно. А человек образованный, с высоким статусом – до него не достучаться. Всё как в Евангелии. Когда Христос ходил по земле, Его слышали те, кто, казалось, был очень далёк от Него, и не внимали Ему те, от кого следовало этого ожидать, как это было, например, с богатым юношей. У одной есть все условия, но она делает аборт. Чем люди богаче, чем больше у них денег, тем меньше у них желания рожать детей – это известная закономерность, прослеживается во многих странах мира.

Но вот приходит девушка, у которой нет никаких возможностей. Мама её из дома выгоняет, папа от неё отрекается, парень заявляет, что ребёнок не его, образования нет, работает без оформления, на птичьих правах. Но вдруг проникается тем, что дитя убивать нельзя – такая простая, боголюбивая душа. И всё наладилось у неё!

Другой случай – женщины с четвертой беременностью, очень непростые жиз-

ненные обстоятельства, семья на грани распада. Потом встречаемся, и она говорит: «Вы только продолжайте, прошу вас, не отступайте, потому что вы говорите правду. Ходите и говорите, пусть один из ста услышит, но эта правда должна звучать».

Роды очень часто серьёзно меняют человека к лучшему, даже если накануне его положение было незавидно. Потому что ребёнок – это не проблема, а, наоборот, ключик к решению очень многих проблем. Одна девушка, забеременевшая в семнадцать лет, будучи не замужем, оформила брак, родила ребёнка – и, как говорили потом её родители, «он её спас». То есть прежде вела жизнь непутёвую, но, сама став мамой, повзрослела, поумнела и, вернувшись к учёбе, говорит теперь про своих однокурсниц: «Ну что за глупые они, о какой ерунде говорят, какую чепуху слушают!» Ребёнок делает мудрее, помогает стать сильнее, нести ответственность. Можно сказать, приближает нас к Богу.

Деторождение и экономика

– Отец Максим, число аборт сейчас сокращается?

– Да, но не только потому, что растёт понимание их греховности. Скажем, приём новых гормональных средств тоже приводит к остановке беременности, хотя формально аборт не делается.

– А почему рождаемость снижается, если аборт всё меньше?

– Рождаемость как падала в последние несколько лет, так и будет падать. Пик, когда она была выше смертности, пройден пять лет назад. Тогда в активном детородном периоде было многочисленное поколение, родившееся в восьмидесятых. Сейчас в главные детородные годы входит поколение девяностых, которое и мало-

численнее, и имеет другие жизненные установки.

– Откуда они – эти другие установки? В 1988 году прекратились гонения, Церковь бурно развивалась, то время даже получило название «Второе крещение Руси». Как получилось, что это не повлияло на рождаемость, что выросло поколение с «другими жизненными установками»?

– Возрождение веры началось, но до сердец она ведь сразу не дошла, да и теперь плоды духовные отнюдь не избыточные. К тому же наряду с истиной Христовой сколько грязи в те девяностые хлынуло в души. Помните: «Иной слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется»? Церковь сетует, а что взойдёт, зависит от людей. Конечно, три десятилетия не прошли совсем даром. Почти в каждом селе есть храм с небольшой, но крепкой общиной православной. Служба совершается, молитва возносится, Господь терпит и милует. Не будь этого, мы, возможно, жили бы сейчас в другой стране или вовсе не было бы нас.

– Насколько заинтересованы медики в рождении детей? Я говорю не о моральной стороне, а о профессиональной: их как-то поощряют, если удаётся убедить женщину не совершать аборт?

– Если ребёнок не родится, медик ничего не теряет. Все риски, все последствия аборт, в том числе пусть небольшая, но смертность, – всё это возлагается на женщину: именно она берёт на себя всю ответственность. А вот если врач допустил рождение больного ребёнка, с пороками – это большие затраты для системы здравоохранения: врач подвергнется порицанию или даже наказанию. Таким

образом, за смерть ребёнка, а иногда и за смерть женщины наказания никакого нет, а за сохранённую жизнь есть.

Потом, нужно понимать, что аборт для медучреждения – это деньги из фонда ОМС или за счёт платных услуг. Вспомните слова апостола, что корень всех грехов – это сребролюбие. Деньги поступают на зарплату, содержание учреждения. А ведь, с экономической точки зрения, десять-двадцать тысяч рублей, выделяемые сегодня на аборт, – это лишь верхушка айсберга. Они впоследствии потащат за собой сотни тысяч и миллионы, выделяемые на лечение рака, психических расстройств, связь которых с прерыванием беременности давно установлена наукой. Зайдите на сайт нашего онкологического диспансера – и вы увидите упоминание аборта в числе других факторов риска. Далее, это деньги на лечение бесплодия, которое не всегда, но в известной степени связано с абортами. Причём есть мнение, что на это влияют не только те аборт, которые совершила женщина лично, но и совершённые прежними поколениями, когда род получил установку на своё пресечение. И научные исследования такие есть, и в Священном Писании говорится, что грешники наказываются до третьего и четвертого поколения. Без горячего покаяния, без милости Божией это не исцеляется.

Поэтому финансировать из бюджетной системы аборт – это преступление против Бога, человечности и собственного народа. И это ещё и экономическое безумие.

– Я всё-таки замечаю, что если раньше врачи вообще никак не препятствовали абортам, то сейчас отношение изменилось.

– Да, к счастью, есть и такое. Это связано и с умножением верующих врачей, и с тем, что общество, тоже

благодаря Церкви, изменило отношение к детоубийствам. Появились врачи, и их немало, которые отговаривают от прерывания, уговаривают обратиться к нам, в психологический кабинет.

– Вы знаете, отче, давно пытаются найти ответ на вопрос: почему в безбожное советское время рождаемость была выше?

– Отчасти по инерции, которая осталась от царских времён, – фундамент разрушился далеко не сразу. Отчасти это была восстановительная реакция на гибель многих миллионов наших сограждан в годы войны. Но постепенно возобладала установка, что в семье должно быть двое детей. Сейчас ориентируются на одного-двух, тогда – на двух. Когда тенденции стали откровенно тревожными, в восьмидесятые годы были приняты мощные меры демографической поддержки: увеличили декретный отпуск, стали давать пособия. При этом аборт совершалось значительно больше, чем сейчас: их делалось до пяти-семи миллионов в год – потери, соразмерные с военными. Мне кажется, это одна из самых важных причин крушения советского государства, при всех его сильных сторонах. Сознательная борьба против веры и жизни не может не подрывать силы.

Вообще, деньги не решают проблемы рождаемости – это нужно хорошо понимать. Экономические и социальные меры дают некоторый прирост рождаемости на несколько лет, но в долгосрочной перспективе – нет, если даже не портят дело. В Германии, например, при пятикратно более высоком уровне жизни рождаемость ниже, чем у нас. А в Бангладеш выше. Поначалу у нас радовались так называемому материнскому капиталу, а сейчас всё больше жалоб, что мало дают. Настоящий подъём может быть только на ценностных установках.

– В сельской местности сейчас рождаемость выше или ниже, чем в городе?

– Сравнительно недавно была выше, несмотря на то, что доходы были значительно меньше. Года три назад картина изменилась. Рождаемость в городах не выросла, а на селе упала. Хотя в сёлах картина неоднородная. Иные вымирают, другие, наоборот, расцветают. Строятся новые дома, настроение у людей лучше. Процесс привывания села к новым условиям жизни ещё не закончился.

– Что вы, как экономист, думаете о возможностях развития страны? Ведь даже не богатство, а просто уверенность в завтрашнем дне может повлиять на демографическую ситуацию.

– Спаситель одной фразой сказал всю истину об экономике: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё (т.е. материальное, житейское) приложится вам». Будет покаяние и молитва – будет и нормальная экономика. Нам не нужна экономика большая, а нужна здоровая. И вообще, о ней не надо заботиться, надо искать правды Божией, чтобы Бог царствовал в нас, а всё необходимое для жизни – через трудолюбие и природу – естественным образом устроится. Будет такая экономика, какая необходима для жизни и для того, чтобы не заслонять Царствия Небесного.

Человек имеет склонность к покаянию, которое не ослабевает, а даже усиливается в тяжёлые времена. Поэтому я не уверен, что рост качества жизни повлияет на рождаемость. Только стремление жить по правде. Оно есть, хотя и зачастую спит. В этом году, в ноябре, исполнится 100 лет с того дня, как в нашей стране официально разрешили делать аборт. Чёрный юбилей. Нужно остановить это. Экономика станет здоровой, когда люди душевно выздоровеют, когда те деньги, которые

сейчас идут на грехи, пойдут на лечение, на красоту, на благо. По размеру экономиста, может, и останется такой же, но она станет правильной.

Идея, что вслед за подъёмом экономики поднимется духовность, – ложна. Можно расти материально и умирать духовно – чаще это одновременные процессы, когда человек вместо того, чтобы быть на службе в храме, лежит на диване и пьёт пиво. Он выпадает из процесса производства материальных благ, о духовных и говорить нечего. Человек не молится, потому и черствеет душой, бросает мусор на улице, а то и вовсе совершает преступления, после чего общество его кормит в тюрьме, содержит его семью, финансирует детские дома. У нас ходят и жалуются на жизнь безработные, и тут же приезжает масса людей из других стран – нам не хватает рабочих рук. Какую экономику можно построить на такой основе?

Почему дети не всегда в радость?

– Отче, хотелось бы спросить вот о чём. В Новом Завете есть слова о том, что женщина спасётся чадородием, а в другом месте говорится, что ей не обязательно выходить замуж. Насколько это значимо для верующего: задумываться о продолжении рода?

– Прочтём полностью это место из Первого послания к Тимофею апостола Павла: «И не Адам прельщён; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем, спасётся через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием».

Есть толкование, что «диа», с греческого «через», можно перевести и как «вопреки», то есть, несмотря на чадородие, которое оставляет мало места для участия в церковной жизни, женщина может всё-таки

спастись. Но это лишь мнение. И Церковь склонна полагать, что спасётся и «через чадородие» тоже. Но эти слова нельзя вырывать из контекста и говорить, что спасётся благодаря частым родам. Нужны ещё любовь, вера, целомудрие. «Как же чадородие обратить в пособие ко спасению?» – задавался вопросом святитель Феофан Затворник. И отвечал: «Если, по рождении, к нему будет приобщаемо и воспитание детей – в страхе Божиим во славу Божию».

Главная беда нашего времени – не сокращение рождаемости, хотя, конечно, вымирание – это страшно, но оно лишь следствие. Его причина в том, что какая вера, такая и жизнь. Какая вера – такая и школа, такое и здоровье, такая и экономика, такая и семья. Человек стал жить «для себя», дети этому помеха.

– В Республике Коми население убывает быстрее, чем во многих других регионах...

– Раньше сюда приезжали ради высоких зарплат, а сейчас идёт отток туда, где теплее, где интереснее, где удобнее. Молодёжь отправляется учиться в большие города и остаётся там, родители потом тянутся за ними. В этом наша особенность. Но если говорить о нежелании иметь детей, то почти везде в России, во многих европейских странах дела обстоят одинаково.

Наверное, нежелание это происходит ещё и из того, что люди сами толком не знают, зачем живут: сосредотачиваются на земном и забывают о небесном. А потому и не знают, зачем детей рожать и как их воспитывать: чтобы они жили для служения, для вечности, а не просили от рождения до смерти: «Мама, дай. Папа, купи». Христианство не гонится за многочадием, но твёрдо настаивает всё делать для Бога: и работать, и любить, и детей творить. ■